

INSPIRIA

УБИЙСТВО РАДИ КОМПАНИИ

ИСТОРИЯ
СЕРИЙНОГО УБИЙЦЫ
ДЕННИСА НИЛЬСЕНА

БРАЙАН МАСТЕРС

INSPIRIA

Tok. True Crime Story. Главный
документальный триллер года

Брайан Мастерс

**Убийство ради компании.
История серийного
убийцы Денниса Нильсена**

«ЭКСМО»

1985

УДК 821.111-94+343.9
ББК 84(4Вел)-44+67.5

Мастерс Б.

Убийство ради компании. История серийного убийцы Денниса Нильсена / Б. Мастерс — «Эксмо», 1985 — (Tok. True Crime Story. Главный документальный триллер года)

ISBN 978-5-04-120304-7

В феврале 1983 года у жильцов лондонского дома на Масвелл-Хилл засорила канализация. Приехавший сантехник обнаружил в подвале ужасную находку — месиво из человеческой плоти и костей. На следующий день по подозрению в убийстве был арестован один из жильцов по имени Деннис Нильсен. «Мы говорим об одном теле или о двух?» — спросил его полицейский. — «Пятнадцать или шестнадцать, начиная с 1978 года. Я все расскажу. Вы не представляете, как здорово с кем-то об этом поговорить», — ответил Нильсен. Крайне редко убийца говорит о себе так честно и исчерпывающе: его архив — беспрецедентный документ в истории уголовных убийств, настолько он подробен, полон мрачных фантазий и шокирующих подробностей. Уникальный материал, лежащий в основе книги — свыше 50 томов личных дневников, стихов и рисунков — показывает образ мышления маньяка, дает ему высказаться от первого лица. Невероятно психологичная и шокирующая, книга погружает во внутренний мир убийцы, который наряду с писателем пытается понять, что привело его к точке невозврата.

Самый известный британский серийный убийца Деннис Нильсен признался в убийстве 15 человек в 1983 году. Страдающий от одиночества, он наряжал своих гостей, мыл, смотрел с ними телевизор и вел беседы... но только после их смерти. Это новаторское криминальное исследование психологии маньяка, написанное при полном сотрудничестве самого Нильсена. В результате получился захватывающий — и ужасающий — портрет человека, влюбленного в смерть. Победитель премии «Золотой кинжал» за лучший тру-крайм! Бестселлер Sunday Times! Экранизация в сериале «Дес» с Дэвидом Теннантом в главной роли! «Одно из самых замечательных, полных и наиболее гуманных описаний разума убийцы... Эта книга должна служить

образцом для всех будущих книг в этом жанре» — New Society «Эта книга — проницательная и одновременно беспристрастно-холодная оценка криминальной психологии Нильсена» — Mirror «Тщательное изучение мрачных хитросплетений человеческого разума» — The Bookbag «Книга захватывающая и пугающая, и, тем не менее, она дает читателю понять: несмотря на все то, что совершил Нильсен, он все еще остается человеком. Печальным, одиноким человеком, который просто хотел оказаться в чьей-то компании — и был готов на все, чтобы ее заполучить» — Kirkus Review Больше интересных фактов об этой книге читайте в ЛитРес: Журнале Понравилась книга? Знаем, что стоит прочитать дальше! На последней странице или в PDF-приложении вы найдете секретный промокод на скидку 40% В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.111-94+343.9

ББК 84(4Вел)-44+67.5

ISBN 978-5-04-120304-7

© Мастерс Б., 1985

© Эксмо, 1985

Содержание

Предисловие к переизданию от 2017 года	7
Пролог	10
Глава 1	12
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Брайан Мастерс

Убийство ради компании. История серийного убийцы Денниса Нильсена

© Сергеева А.В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

*Посвящается Хуану Мелиану
и Берил Брейнбридж,
а также Дэвиду Ральфу Мартину.*

*Теперь я знаю, что виноват и должен быть наказан.
Что бы суд ни решил, я определенно этого заслуживаю.
Д. Э. Нильсен, 13 апреля 1983 года*

Предисловие к переизданию от 2017 года

Больше тридцати лет прошло с суда над Деннисом Нильсеном в 1983 году и с издания этой книги двумя годами позже. С самого начала он казался мне непостижимо порочным человеком (помню, одна женщина в рядах присяжных смотрела на него с явным недоверием, не в силах увязать в голове образ бюрократа на скамейке подсудимого и рассказ о его преступлениях): его обвиняли в шести убийствах и двух попытках убийства. Обвинений могло быть больше, если бы человеческие останки не превратились в пепел и не смешались с землей и личности других погибших удалось бы установить. 4 ноября присяжные с перевесом десять к двум вынесли вердикт, признав Нильсена виновным по всем убийствам и одной попытке убийства – по другой попытке к согласию они так и не пришли. Судья Крум-Джонсон приговорил Нильсена к пожизненному заключению, с рекомендацией не менее двадцати пяти лет срока. Гораздо позже в Министерстве внутренних дел было принято политическое решение никогда не выпускать его на свободу.

Мое собственное участие в деле началось почти сразу же после ареста Нильсена. Как и все остальные, я прочитал об этом в утренней газете, и особенно мое внимание привлекло замешательство полиции во время его допроса. Все их изначальные доказательства против него были предоставлены им самим в течение нескольких дней допроса. Им не пришлось выманивать у него информацию хитростью: он попросту не прекращал говорить. Они выбрали дружелюбный подход, поставляя ему сигареты и слушая его неустанные признания. Стало ясно, что кто-то должен написать о его преступлениях и суде над ним, и я подумал, что, возможно, я мог бы попробовать: все его жертвы были мужчинами, и могла потребоваться гомосексуальная чувствительность, чтобы докопаться до источника его расстройств. У меня не имелось опыта в подобных делах, поскольку предыдущие мои книги касались французской литературы и истории аристократии. Но я написал Нильсену, пока он ожидал суда в тюрьме Брикстон (наивно не зная, что так нельзя), сказав в письме, что буду рад возможности проанализировать его случай, но не стану этого делать без его сотрудничества. Это правда: простой пересказ событий лишь по описаниям таблоидов не имел бы смысла. Первое полученное от него письмо начиналось довольно тревожно: *«Дорогой мистер Мастерс, я возлагаю бремя моей жизни на ваши плечи»*.

За этим последовали восемь месяцев переписки. По меньшей мере трижды в неделю я получал от него письмо, написанное мелким почерком на тюремной бумаге для записок, что демонстрировало его желание не тратить лишнего пространства, и, предположительно, эти письма одобряла сперва тюремная цензура. Мои ответы ему носили более свободный и успокаивающий характер. Кроме того, каждые несколько недель мне приходило разрешение на визит, позволявшее мне посещать большую комнату, где все заключенные собирались для часовой встречи с друзьями и родными. Мы с Нильсеном садились напротив друг друга за квадратный деревянный стол, на котором стояла пепельница. Я заметил, что другие заключенные приветствовали его без всякой враждебности или страха: он помогал им сочинять письма домой. Пока длился суд, в конце каждого дня меня отводили в его подземную камеру. И, наконец, он написал пятьдесят тюремных тетрадей своими размышлениями – не только о своих преступлениях, но также о политике, литературе, о своем детстве и армии, об упреках в сторону организации современного общества. Зная, что всегда есть риск попадания этих записей не в те руки, он поместил в них одну леденящую душу историю, столь претенциозную, что она, по его замыслу, наверняка пришлась бы по вкусу редакторам желтой прессы. Но эта история никуда так и не просочилась.

Разумеется, весь этот эксклюзивный доступ нес с собой и дополнительную ответственность. Во-первых, это касалось непредвзятого изложения правды. С вопросом виновности разбираются судьи и присяжные, писатель же имеет дело с интерпретацией фактов. Я начал рабо-

тать над этой книгой задолго до суда, используя предоставленные Нильсеном материалы и полицейские архивы, и очень скоро понял, что ответственность моя лежит и перед читателями. Важно было избегать слишком субъективных прилагательных («отталкивающий», «отвратительный», «ужасающий» и так далее), потому что моя работа – не в том, чтобы склонить читателей к определенному мнению. Я должен был рассказать, что случилось, а уж читатели сами добавят к этому собственные суждения. Я лишь исполнял роль записывающего устройства, а не оценивал рассказанное с точки зрения моральной нравственности. Нильсен и сам говорил про себя: *«Я обычный человек, судьба которого приняла неожиданный поворот»*. Прочтя его историю, читатели сами решат, прав был Нильсен или нет. Даже он сам говорил порой, что озадачен всем произошедшим. По его словам, он надеялся, что *я сам* смогу рассказать ему, что именно с ним случилось. И действительно, частично в мои обязанности входило объяснить все как можно лучше.

Скрытая опасность такого сотрудничества заключалась в том, что я мог невольно стать его сообщником – многие полагали, что это неизбежно. Естественно, я таковым не стал, потому что полностью осознавал этот риск и очень быстро научился избегать слов, которые можно использовать против меня. Моя цель была не в том, чтобы «понять убийцу» (что можно счесть за сочувствие ему), скорее я должен был «понять, что случилось и почему» – такая формулировка звучит более безопасно и нейтрально. Разница здесь кажется незначительной, но она важна, если необходимо избежать чужих обвинений.

Другое слово, от которого я решил отказаться, – это слово «злой». Это оккультное слово, не имеющее точного или измеримого значения, которое часто является просто отговоркой, чтобы не раздумывать над предметом разговора слишком долго. По сути, оно означает попросту «я не знаю» и, следовательно, не должно входить в лексикон писателя. Я был искренне потрясен, услышав это слово из уст судьи в его кратком резюмировании судебного процесса: подобное оценочное суждение заслуживает цензуры.

И все же какие-то слова мне пришлось найти, чтобы объяснить загадку моральной деградации Нильсена. В одной из наших с ним бесед я сказал ему: рассуждая логически, я понимаю, что способен убить человека, хотя и надеюсь, что этого никогда не произойдет. В конце концов, в сражении это практически обязательное условие, в гневе – это постоянный риск. Но я никак не мог себе представить, что после убийства он мог спокойно расчленять трупы, разрезать их на куски и смывать их в унитаз. Его реакция последовала незамедлительно и несколько меня встревожила. *«Что-то не так с вашей моралью, если вас больше беспокоит мой способ избавления от тел, чем сами убийства, – сказал он. – Для меня гораздо худшим преступлением является выдавить из человека жизнь: труп – всего лишь вещь, он не может чувствовать боль и страдать. Ваш моральный компас сломан»*. Это заставило меня задуматься. Разумеется, определенная логика в его словах есть. Но Нильсен не видел, *не чувствовал*, что люди – это нечто большее, они создания с воображением, которое позволяет им – или скорее *побуждает их* – чтить и уважать то, что когда-то было вместилищем жизни. Для него же такая концепция казалась совершенно чужеродной.

С тем же безразличием к эмоциональной подоплеке своих действий и слов он однажды сказал мне: *«Знаете, вы бы удивились, какой тяжелой может быть человеческая голова, если поднять ее за волосы»*. Этот человек был способен приготовить себе утром завтрак, намазать маслом тост и тут же сбавить огонь на конфорке, где стояла кастрюля с варившейся в ней головой его последней жертвы. И прежде чем пойти гулять с собакой, после этого он все еще мог спокойно съесть свой тост. В совершенных им убийствах всегда чувствовался отблеск этой моральной смерти: он прекрасно знал, что поступал неправильно, но не понимал, почему это *важно*, почему люди реагировали на его поступки так бурно.

Чуть менее очевидным проявлением его эмоциональной отстраненности было то, что он не осознавал, какие страдания причинит его матери рассказ о его преступлениях, просочив-

пийся в прессу. За неделю до суда я отправился в Шотландию, чтобы навестить ее и подготовить ее к бедствию, которое в ближайшие пару дней обрушится на ее скромный дом. Опыт вышел довольно болезненный, хотя она сделала все возможное, чтобы создать уютную атмосферу – приготовила для меня роскошный ужин и сплетничала о том, как в детстве Деннис заботился о своих ручных птицах. Пропась между матерью и сыном меня поразила.

На суде психиатры сцепились из-за противоречащих друг другу определений. Одни говорили, что Нильсен страдал от «расстройства личности», не объясняя при этом, что могло изначально его «расстроить». Если бы на суд пригласили священника, он бы заявил, что причина кроется в «происках дьявола» – снова оккультное, но отнюдь не исчерпывающее объяснение.

Нильсен сказал мне, что его удивляет такой интерес публики к его мрачному делу и то, как много об этом говорили, хотя и с осуждением. Меня тоже часто обвиняли в излишней «заинтересованности» – это слово я также предпочел не использовать. Интерес подразумевает отказ от размышлений: вы словно позволяете нежелательным эмоциям запечатлеться в памяти. У меня же хватает и своих воспоминаний, и добавлять к ним лишний груз я не собирался. Полиция, что необычно, согласилась показать мне сделанные ими фотографии. В их коробке хранилось больше ста фотографий – каждая из них еще более неприятная, чем предыдущая. Мне велели сказать «стоп», когда с меня будет достаточно. Я просмотрел около двенадцати и больше не смог. Эти фотографии никогда не стереть из моей памяти, и в старости, вероятно, они будут являться мне в кошмарах.

Оглядываясь назад, теперь я понимаю, что именно парадоксы и противоречия беспокоили меня в этом деле больше всего. Я больше не верю в утверждение Нильсена, что, мол, он и сам не знал, что именно заставило его стать убийцей. Теперь я думаю, что он наслаждался процессом и получал от него удовольствие. *Почему* он наслаждался подобными вещами – вопрос другой. Отсутствие у него морали не является достаточным объяснением. И все же, когда я обнаружил письмо арендодателям по поводу засора в канализации, я немедленно узнал характерный почерк Нильсена. Сантехники пришли и нашли в канализации человеческие останки. Убийца сам организовал свой арест.

На протяжении почти десяти лет после его приговора я продолжал раз в два месяца навещать его в тюрьме. За это меня не единожды упрекали. Делал я это по очень простой причине: он открыл мне свои воспоминания и свою душу, предоставив мне материал для написания этой книги. Я не мог после этого просто сказать: «Спасибо, но теперь ты сам по себе». Суд решил его судьбу, я же остался верен своей.

Пролог

Во многом эту книгу было очень тяжело писать, и, без сомнений, некоторые сочтут ее весьма неприятной для чтения. Деннис Эндрю Нильсен, чья жизнь началась совершенно обыденно в рыбацкой деревушке в Шотландии, в возрасте тридцати семи лет сознался в добровольном убийстве пятнадцати человек – это рекордное количество жертв для серийного убийцы во всей криминальной истории Британии. В этой книге я пытался рассказать о том, как такая катастрофа могла произойти.

Суд уже разобрался с Нильсеном, приговорив его к пожизненному заключению. В этом мало утешения для родственников погибших, которые теперь вынуждены будут до конца жизни задаваться вопросом: почему их сыновей убили, не дав им даже шанса противостоять жизненным трудностям по-своему? Неужели только для того, чтобы утолить нездоровые потребности незнакомца, который, как постановил суд, даже не был безумен? Учитывая это, никакой моральной двусмысленности в его преступлениях быть не может.

Подробно изучив жизнь и поведение Нильсена, его эмоции и мысли, мы можем попытаться хотя бы частично приоткрыть завесу этого темного и загадочного аспекта человеческого разума. Во всяком случае, именно в этом заключается моя цель. Любая неверная интерпретация фактов здесь будет полностью на моей совести.

Описывая биографию Нильсена, я постарался создать его портрет как личности еще до того, как он встал на путь преступлений, в надежде, что кто-нибудь сможет вычленив из него ключевые детали его жизни, которые могут указывать на скрытый внутренний конфликт. Поскольку биограф должен выбирать, что именно включать в книгу, я решил особо подчеркнуть эти «ключевые детали», которые в свое время остались незамеченными или казались неважными, но приобрели важность в ретроспективе. Только в главах 6 и 7 я перехожу к рассказу о самих убийствах и об избавлении от тел. Затем идет глава о поведении Нильсена в тюрьме Брикстон в ожидании суда, рассказ о самом суде в здании Олд-Бейли и последняя глава, в которой предлагаются различные возможные объяснения этой ужасной трагедии с психиатрической, философской и теологической точек зрения. В заключение я привожу собственное любительское объяснение.

Я старался не возмущаться и не оправдывать его и, несмотря ни на что, оставаться объективным. Я осознаю, что такая цель труднодостижима из-за двух аспектов. Во-первых, я очень хорошо узнал Нильсена за восемь месяцев до его суда, и личный контакт вполне мог неизбежно повлиять на мое к нему отношение; я могу только надеяться, что, зная об этой опасности заранее, я сумел ее избежать. Во-вторых, мой рассказ о жизни Нильсена по большей части основан на его собственных словах и размышлениях, записанных для меня во всех подробностях в его тюремной камере. При любой возможности я старался подтверждать рассказанное им из других источников информации, и в книге есть довольно большие части (например, главы 2 и 10), которые никак не связаны с записями самого Нильсена. Кроме того, несмотря на полную и подробную информацию с его стороны, он не контролировал итоговый текст, так что я мог свободно отбрасывать какие-то фрагменты, расширять их, оценивать их со своей точки зрения и делать собственные выводы.

Сотрудничество Нильсена, я думаю, было скорее преимуществом, чем ограничением. Весьма необычно для убийцы говорить о себе так откровенно и подробно. В девятнадцатом веке Ласнер¹ поделился кое-какими откровениями о своих мотивах на бумаге. Дюссельдорф-

---

¹ Пьер-Франсуа Ласнер (1803–1836) – французский поэт, вор и убийца. Получил известность также благодаря написанным в заключении стихам и мемуарам, где он пытался изобразить себя как «жертву общества». (Прим. ред.)

ский садист, Петер Кюртен², открыто говорил с доктором Карлом Бергом в 1929 году, и записи их бесед также появились в небольшой книге. Позже американский убийца Тед Банди размышлял о своих преступлениях (хотя и продолжал настаивать на своей невиновности) перед двумя журналистами. Относительно недавно Флора Рета Шрайбер подробно изучила дело Джозефа Каллингера³ в своей книге «Обувщик». Но Нильсен был первым убийцей, предоставившим утомительно детальный архив своих собственных размышлений. Его тюремные дневники являются уникальным документом в истории криминального убийства и позволяют нам заглянуть в разум преступника. Он знает, что некоторые его откровения настолько честные, что могут вызывать ужас, но стоит задуматься: смогли бы мы без этих откровений когда-нибудь определить, что за силы столь чудовищно исказили его эмоциональное восприятие окружающего мира? А если мы не можем определить этого, то нам остается лишь горький вывод: любой человек становится убийцей лишь случайно.

Множество людей помогли мне в работе над этой книгой, и всем им я выражаю свою благодарность. Мать Денниса Нильсена, миссис Скотт, терпеливо делилась со мной своими размышлениями на эту болезненную тему, а его отчим, Адам Скотт, служил для нее источником силы (а заодно и для меня). Два адвоката Нильсена, Рональд Мосс и Ральф Хаимс, были всегда вежливы со мной и помогали мне даже тогда, когда сами находились в затруднительном положении. Детектив старший интендант Чемберс и детектив главный инспектор Джей обеспечили меня своим сотрудничеством и поддержкой. Колин Уилсон поделился со мной своими символическими идеями на тему убийства и указал мне на несколько полезных книг. Персонал Библиотеки Британской медицинской ассоциации был неизменно отзывчив. Хуан Мелиан слушал отрывки из моего текста в течение многих часов, внося полезные предложения. Мой агент, Джасинта Александер, безустанно работал, чтобы воплотить проект в жизнь, а мой редактор, Том Машлер, сдерживал мои излишние порывы и постоянно предлагал возможные улучшения, некоторые из которых я с благодарностью принял; если я не принял других, то, подозреваю, сам же многое от этого потерял. Профессор Джон Ганн и доктор Памела Тейлор оказывали мне большую помощь в нахождении специфических журналов по медицине, а профессор Роберт Блугласс и профессор Кейт Уорд любезно делились со мной советами. За неиссякаемую поддержку я хотел бы также поблагодарить Майкла Блока, Селину Хастингс, Йена Ромера, Стивена Тумима и Берил Брейнбридж.

Также я хотел бы выразить благодарность мистеру Шатто и мистеру Уиндусу, а также мисс Айрис Мердок за разрешение процитировать один абзац из ее «Ученика философа».

Другие пожелали остаться анонимными – психиатры, социальные работники, друзья. Моя благодарность им ничуть не меньше, хоть и выражена коллективно.

Брайан Мастерс, Лондон, 1984 год

---

² Петер Кюртен (1883–1931) – немецкий серийный убийца, совершивший девять только доказанных жестоких убийств и признавшийся в совершении 69 убийств. (Прим. ред.)

³ Джозеф Каллиджер (1935–1996) – американский серийный убийца, который лишил жизни трех человек и подверг пыткам четыре семьи. Эти преступления он совершил со своим 12-летним сыном Майклом. (Прим. ред.)

Глава 1

Арест

В северной части Лондона находится Масвелл-Хилл, район респектабельный и спокойный. Населен он в основном представителями среднего класса, а потому жизнь в нем протекает тихо и до ужаса безмятежно. Ничто не нарушает привычную рутину: никаких акций протеста на улицах, никаких забастовок, и даже полицейскую сирену здесь можно услышать крайне редко. Обитатели Масвелл-Хилл каждое утро садятся в свои машины, едут на работу в центр города, а вечером возвращаются домой, где жены готовят им ужин. Иногда они позволяют себе насладиться бутылочкой джин-тоника или с гордостью упомянуть о том, что разбираются в вине лучше среднестатистического посетителя супермаркетов. Выходные они проводят, копаясь в саду – это любимое занятие местных жителей. Как можно понять из названия, район расположен относительно высоко в холмах, где вдоволь солнца и свежего воздуха: оттуда открывается чудесный вид на Лондон. Дороги здесь неровные, виляют то вверх, то вниз, отчего их избегают велосипедисты, зато высоко ценят любители ленивых пеших прогулок. Несколько улиц названы в честь садов. Одна из таких улиц, Крэнли-Гарденс, делит имя с целым кварталом в Масвелл-Хилл и на картах считается центральной. Улица эта длинная и довольно широкая, живописная и нарядная. Легко представить детей, прыгающих здесь вдоль обочины через скакалку, вот только матери в Масвелл-Хилл не разрешают своим чадам играть на улице.

Дома на Крэнли-Гарденс построены еще до Первой мировой: стильные, с остроконечными крышами, часто соединенные с соседями общей стеной. В основном их красят в белый с небольшими вкраплениями других цветов. От проезжей части дома отгорожены прелестными аккуратными садами, которые будто бы ненавязчиво соревнуются друг с другом за звание наиболее привлекательного. За одним исключением. Сад возле дома № 23 выглядит ужасно запущенным: мрачный, темный, без единого яркого пятна, сплошь опутанный разросшимися сорняками. Даже одуванчик вряд ли смог бы пробиться здесь к свету. Да и сам дом отличается от своих собратьев: он выкрашен в бело-голубой, однако кажется грязным и потрепанным. Ему недостает очарования, присутствующего у соседних домов того же размера и формы. Он выглядит неухоженным и забытым.

И хотя большинство зданий на Крэнли-Гарденс до сих пор служат в качестве уютных семейных гнездышек, как и было задумано изначально, дом № 23 отличился и тут. К началу 1983 года он уже давно принадлежал некой индийской женщине, проживающей где-то в Нью-Дели и не видевшей этот дом с самого момента покупки. Дом был разделен на шесть съемных комнат. Управлял им мистер Робертс из фирмы «Эллис и Ко», риелторской конторы с улицы Голдерс-Грин-Роуд. Жилыцы здесь сменялись так часто, что и арендодательнице, и риелторам они со временем стали совершенно безразличны: этим домом никто не гордился, а значит, и не следил за его состоянием. На ветхой лестнице облупилась краска и не работали лампочки, которые никто и не думал заменить, так что зимой по ней приходилось подниматься со своим фонариком.

В феврале 1983 года в доме № 23 на Крэнли-Гарденс обитали пять человек. Две комнаты на первом этаже занимали Фиона Бриджес, работавшая в пабе «Роял Оак» на улице Сент-Джеймс-Лейн, и ее любовник Джим Оллкок, строитель. Мисс Бриджес поселилась там с лета 1982-го, мистер Оллкок же присоединился к ней несколько месяцев спустя. По соседству с ними расположились Вивьен Макстей, стоматологическая медсестра из Новой Зеландии, и Моника Ван-Рутт, молодая социальная работница из Голландии. Их комната была зажата между двумя другими, поскольку еще одну комнату Фиона присвоила себе после отъезда

последнего ее съемщика. Моника и Вивьен переехали сюда двадцать восьмого декабря 1982 года, так что находились в доме всего пять недель.

На втором этаже никто не жил, и какое-то время он пустовал, а вот на чердаке, где имелись кухня и ванная, поселился государственный служащий с собакой. Он находился в этом доме дольше всех остальных, уже около года, но соседям о нем мало что было известно: общались они не слишком часто. Джим Оллок впервые увидел его только спустя два месяца после своего заселения. Моника и Вивьен однажды поднялись к нему на чердак, чтобы поболтать за чашкой кофе, что было весьма необычно, однако особой дружбы из этого так и не вышло. Судя по письмам для «Деса Нильсена», которые оставляли в коридоре первого этажа, они решили, что его имя «Дезмонд», но не потрудились уточнить. На самом же деле его звали Деннис Эндрю Нильсен, и он работал администратором в одном из кадровых агентств Лондона. Сам он предпочитал, чтобы его называли Дес. Собаку, черно-белую дворнягу с больным глазом, звали Блип. Встретить мистера Нильсена можно было разве что утром, когда он собирался на работу к восьми, или вечером, когда он возвращался с работы в половине шестого, после чего непременно выводил Блип на долгую прогулку, раз уж ей пришлось несколько часов торчать в квартире. Очевидная взаимная преданность человека и собаки вызвала восхищение. Если кому-то становилось жаль этого одинокого, отчужденного человека, у которого, похоже, совсем не имелось друзей, то стоило вспомнить о верной собаке. И все же чувствовалось в Деннисе некое смутное отчаяние.

Деннис Нильсен был высоким и худым мужчиной с темными густыми волосами. Привычка сутулиться и горбить плечи заставляла его казаться ниже, чем на самом деле. Как правило, одевался он в темные брюки, светло-серый твидовый пиджак, синюю рубашку и темно-синий галстук. Всегда опрятный и чистый, он тем не менее не имел привычки щеголять нарядами, судя по скудности его гардероба. Его крайне редко видели в чем-то новом, разве что в холодные месяцы к обычному его костюму добавлялся шарф. Он носил очки без оправы и всегда был чисто выбрит. В свои тридцать семь Нильсен выглядел достаточно привлекательно: похоже, в молодости он считался красавцем. Большой широкий рот с чувственными губами портили только его неровные, коричневатые по краям зубы, когда он смеялся: они навевали мысль о том, что ему неплохо бы посетить стоматолога. Но лишь для эстетической цели – а тщеславием мистер Нильсен не страдал. Казался он вполне искренним и прямолинейным. В отличие от тех, кто избегает смотреть в глаза после нескольких секунд разговора, Деннис Нильсен всегда смотрел прямо на собеседника, словно пронизывая его насквозь. Мало что могло укрыться от его взгляда. Рукопожатие у него тоже было крепкое и честное.

Ничто из этого, конечно, не казалось очевидным для обитателей дома № 23 на Крэнли-Гарденс, буквально ничего не знавшим о замкнутом жилье с чердака. Но его качества были прекрасно известны его коллегам: за восемь лет работы он провел собеседования с сотнями соискателей, где его прямолинейность оказалась как нельзя кстати. Он никогда не увиливал от своих обязанностей – даже наоборот, работал сверхурочно и брал на себя дополнительные обязанности, от которых его менее старательных коллег бросало в дрожь. Похоже, он был практически одержим работой, и некоторые даже задавались вопросом, не пытается ли он заполнить таким образом некую внутреннюю пустоту. Кроме того, недавно он еще и взял на себя дополнительные неоплачиваемые обязанности, связанные с деятельностью в профсоюзе госслужащих, и, казалось, наслаждался этой ответственностью. В любом судебном конфликте против руководства он поддерживал рабочих с пылкостью прирожденного адвоката. Он быстро приобрел репутацию смутьяна, поскольку в своем рдении за слабых и обездоленных часто прибегал в судебной полемике к излишней язвительности. Никто не сомневался в его мотивах, только в методах. Он спорил так красноречиво и развернуто, что было почти невозможно что-то ему доказать. Его образованность и способность строго упорядочивать аргументы вызывали восхищение, как и его организаторские таланты. Однако некоторые втайне считали, что он не

знает меры: похоже, он не допускал даже возможности компромисса. Позже он назовет себя «монохромным человеком», видящим мир в черно-белом цвете. Славился Деннис Нильсен среди коллег и своим бунтарским, неожиданным и часто весьма забавным чувством юмора.

Никто из коллег не заглядывал к нему в гости на Крэнли-Гарденс. Их попросту не приглашали, а они, в свою очередь, не запрашивались. Дес казался им забавным и умным, но расслабиться рядом с ним не получалось: он не вызывал доверия. Кроме того, он всегда так много говорил о политике и интересах профсоюза, что почти не оставлял места для более личных тем. Так что домой он уходил один. Проходил мимо незнакомцев с первого этажа, поднимался по лестнице к двери на чердак. Обстановка на чердаке выглядела откровенно убого: тесная прихожая прямо перед дверью служила в качестве кухни – возле стены слева стояли плита и раковина. Плита была вся покрыта жиром и копотью, оставшимися от предыдущих жильцов: Нильсен так ее и не почистил. Он никогда не использовал для готовки грязную духовку, только конфорки наверху. Прямо напротив находилась дверь в ванную, где имелось большое квадратное окно, всегда открытое нараспашку. Две двери справа от кухни-прихожей вели в гостиную и спальню. Сам Нильсен жил в спальне: там имелись двухместная кровать, большой телевизор, стереодинамики, несколько плакатов на стенах, растения в горшках и высокая толстая свеча, вся в оплывшем воске. В гостиной стояли два безликих шкафа, ящик в углу и два кресла возле окна. Больше ничего. Ковры покрывали не всю комнату, а лишь небольшую площадку посередине – коричневые, блеклые, с невзрачным узором. Эта комната, похоже, использовалась крайне редко, но обладала одной любопытной особенностью, заметной даже с улицы: окно здесь было всегда открыто. Прохожие часто считали это странным: они не видели курительных палочек, которыми хозяин комнаты время от времени пытался разогнать застоявшийся в ней неопределенный неприятный запах.

В первую неделю февраля 1983 года в доме возникла проблема, сперва коснувшаяся только жильцов, однако последствия ее в итоге разошлись далеко за пределы Крэнли-Гарденс. Первым проблему обнаружил Джим Оллкок, заметивший, что в общем туалете на первом этаже перестал работать слив. Это было в четверг, третьего февраля. Он дважды пытался прочистить засор щелочным раствором, который купил в хозяйственном магазине, но щелочь, залитая в унитаз, с засором не справилась, и сдвинуть его с места палкой тоже никак не получалось. Уровень воды в унитазе поднимался и больше не опускался. Возникла угроза затопления, и на следующий день Джим решил позвонить в «Эллис и Ко».

В пятницу, четвертого февраля, Фиона Бриджес оставила записку, в которой предупреждала Вивьен и Монику не пользоваться унитазом, поскольку на нем могли остаться следы щелочи. Она попыталась воспользоваться соседним туалетом, но заметила: когда в нем смывали, вода в сломанном унитазе поднималась снова. Это было особенно некстати, учитывая, что на выходных к ней должны были приехать погостить родители (а Джиму пришлось бы временно найти другое жилище). В доме, похоже, ни один туалет не работал нормально. Джим позвонил в «Эллис и Ко», где ему дали номер сантехника, Майка Уэлча, который мог быстро приехать и устранить проблему, поскольку он уже бывал в этом доме. В 16:15 Фиона позвонила ему и оставила для него сообщение его жене. Пару часов спустя она столкнулась в коридоре с Десом Нильсеном и спросила его, нет ли у него проблем со смывом в туалете, поскольку у нее случился засор. Он сказал, что никаких проблем у него нет, и поднялся к себе на чердак. Майк Уэлч вернулся домой в 20:30, получил сообщение о вызове в дом № 23 на Крэнли-Гарденс и решил, что займется этим первым же делом в субботу утром. Мисс Бриджес сказали не ждать его до тех пор. В пятницу вечером, решила она, придется как-нибудь обойтись.

Тогда же, в пятницу вечером, у Денниса Нильсена на чердаке возникла проблема другого рода. В одном из его шкафов в гостиной находилось тело молодого человека, которого он встретил восемь дней назад. Нильсен взял большой черный пакет для мусора, разрезал его сбоку, чтобы в него можно было завернуть тело, и разложил его на полу ровно посередине комнаты.

Достал из шкафа труп и положил его на пакет лицом вверх. Затем отправился на кухню, взял там длинный нож с коричневой рукояткой, быстро заточил его и вернулся с ножом в гостиную. Встав возле тела на колени, он аккуратно отрезал трупу голову. Пролилось больше крови, чем он ожидал, – она даже запачкала ковер, так что пришлось расстелить еще один пакет таким же образом. Он принес из ванной большую кастрюлю, положил в нее голову, налил туда воды и поставил кастрюлю на плиту. Зажег сразу две конфорки, чтобы кастрюля нагрелась быстрее – не только снизу, но и с боков. В гостиной он передвинул тело с одного разрезанного пакета на другой, а первый подобрал с пола. Немного крови пролилось и на белый коврик в ванной, когда он отнес испачканный пакет туда. Он попытался безуспешно вытереть пятно бумажным полотенцем, потом просто прикрыл их запасным куском коричневого ковра. К тому времени ему уже до смерти надоело всем этим заниматься. Ему захотелось пойти выпить, и он подумал: раз уж впереди целых два выходных, к чему торопиться? Кастрюля на плите яростно вскипела. Он убавил огонь, чтобы голова немного потушилась, позвал Блип и показал ей поводок для прогулки. Собака, разумеется, тут же пришла в восторг. По пути вниз они не столкнулись ни с кем из жильцов.

Вместе с собакой дошли до улицы Масвелл-Хилл-Бродвей. Оставив Блип снаружи, Деннис заглянул в супермаркет «Шепардс», где купил пачку сигарет, бутылку рома «Бакарди» и пару банок «Кока-Колы». Потом неспешно прогулялся с Блип обратно до Крэнли-Гарденс. По пути на чердак он снова никого не встретил. Голова в кастрюле все еще варилась. Нильсен немного послушал музыку (в такие моменты ему нравилась классическая музыка в исполнении симфонического оркестра – она успокаивала и умиротворяла его, а вот любимая попсовая песня, «О, Супермен» Лори Андерсон, слишком уж напоминала сейчас о недавних событиях). Потом он посмотрел телевизор и опустошил три четверти бутылки «Бакарди». В конце этого долгого вечера он выключил огонь под кастрюлей и оставил там голову на ночь. Остальное тело так и лежало в гостиной. Деннис Нильсен отправился спать, уставший и слегка пьяный.

Он проспал до одиннадцати утра. К тому времени как раз наступила суббота, и сантехник Майк Уэлч уже начал разбираться с проблемой. Он прибыл в дом № 23 в 10:30 и попытался прочистить засор в туалете обычными средствами – безрезультатно. Тогда он поехал к себе домой и вернулся оттуда с лестницей, чтобы взглянуть на трубы с улицы – там, где все сливы дома сходились в одну трубу. Он прочистил засор из скопившихся экскрементов, однако дальше в трубу протолкнуться не смог. Тогда Майк Уэлч решил, что тут нужны специалисты с более точным оборудованием, поскольку его обычные инструменты тут негодились, и сказал мисс Бриджес и мистеру Оллкоку, что им стоит позвонить в компанию «Дайно-род».

Джим Оллкок позвонил в «Дайно-род» в 12:40, пока Фиона звонила в «Эллис и Ко». Последние согласились оплатить счет, однако не разрешили проводить в доме какие-либо серьезные работы до понедельника. Поскольку все шло к тому, что на выходные они останутся с неработающим сливом, Джим оставил записку мистеру Нильсену, чтобы тот не пользовался туалетом – это могло вызвать затопление. В записке говорилось: *«Приходил сантехник, не смывай в туалете»*. Позже днем Фиона увидела Нильсена по пути на улицу и объяснила ему содержание записки, а также сказала, что даст ему знать, когда после работ в понедельник снова можно будет пользоваться туалетом. Нильсен ответил, что все учтет, и в задумчивости отправился на прогулку.

Позже он признает: *«Тогда я начал догадываться, что проблема, возможно, как-то связана с моей деятельностью»*.

Упомянутая «деятельность» тем утром уже успела послужить источником неловкой ситуации для самого Нильсена. Ему неожиданно позвонили в дверь. Он не мог никого пустить, пока на полу лежало обезглавленное тело. Он выключил телевизор и придержал Блип, чтобы она не лаяла. Чуть позже в дверь постучали. Он ждал до тех пор, пока не услышал шаги вниз по лестнице. «Я подумал, что, может, это кто-то знакомый, – расскажет он потом. – Крикнуть

«сюда нельзя» было бы глупо, так что я просто сделал вид, что меня нет дома». Посетителем оказался старый друг, которого он не видел уже несколько месяцев, Мартин Хантер-Крэг. Хантер-Крэг был одним из немногих людей, искренне наслаждавшихся компанией Нильсена, и в обычных обстоятельствах он был бы весьма желанным гостем. В тот день он находился в городе проездом (сам он жил в Дентоне) и хотел сделать Десу сюрприз. Согласно его воспоминаниям, Дес все-таки ответил на стук в дверь, хотя и не открыл ему: *«Не входи. Я тут кое-чем занят»*.

Весь вечер субботы Нильсен смотрел телевизор. В воскресенье днем, шестого февраля, он наконец собрался с духом, чтобы закончить с телом на полу. К тому времени он уже знал, что в понедельник ему могут начать задавать неудобные вопросы. Стоило как минимум спрятать тело обратно в шкаф. Он снова взялся за нож, заточил его еще раз и разрезал тело на четыре части: две руки с плечами, торс с ребрами и вся нижняя половина тела вместе с ногами. Первые три части он завернул в пакеты и положил их в ящик шкафа. Ноги он завернул в другой пакет и сунул их под перевернутую вверх дном корзину для белья в ванной. Затем он достал из кастрюли частично сварившуюся голову, положил ее в полиэтиленовый пакет, а потом сунул в большой черный пакет с другими останками. В довершение он зажег в комнате палочку благовоний и запер обе дверцы шкафа на ключ. О проблеме можно было ненадолго забыть. Однако время поджигало, и успокоиться у Нильсена никак не получалось. Несколько часов покоя ничуть не помогли: эта пытка длилась для него уже четыре года. Приближался момент, когда так или иначе ему придется что-то предпринять.

В понедельник седьмого февраля проблема со сливом так и не решилась. Фиона Бриджесс звонила в агентство недвижимости снова и снова, и ей повторяли, что ее делом уже занимаются. Однако только во вторник, в 16:15, в «Эллис и Ко» связались с компанией «Дайно-род», чтобы те занялись проблемой. Тем временем Нильсен, как обычно, отправился на работу в кадровое агентство в Кентиш-таун, где со своей обычной энергией и усердием разобрал накопившийся бумажный завал. Правда, с коллегами в тот день он был несколько грубоват и нетерпелив. Перед одним из них он извинился, объяснив, что претерпевает в данный момент не лучшие времена.

Инженер из «Дайно-род» прибыл в дом № 23 на Крэнли-Гарденс только в 18:15 вечером вторника. Звали его Майкл Кэттран, ему было тридцать три, и в компании он начал работать относительно недавно. После поверхностной инспекции труб он пришел к выводу, что источник проблемы, скорее всего, находится под землей, а значит, днем нужно будет вернуться с более тщательной проверкой. Уже стемнело, но с помощью Джима Оллкока, подсвечивающего ему фонариком, Кэттран нашел возле дома потрескавшийся канализационный люк. Под люком был спуск высотой около трех с половиной метров, с железными скобами в стене в качестве ступенек. Кэттран спустился туда, пока Оллкок продолжал ему светить. Они оба почувствовали тошнотворный запах, который, как Кэттран знал, не походил на обычный запах экскрементов. Он сказал Оллкоку:

– Я, может, работаю с дерьмом не так давно, но даже я знаю, что так оно не пахнет.

По правде говоря, он был уверен, что это запах гниющей плоти. Пол канализационного тоннеля был покрыт странной серо-белой субстанцией сантиметров двадцать в высоту, состоявшей из тридцати или сорока разноразмерных кусков сгнившего мяса. Прямо на глазах у Кэттрана из трубы, ведущей к дому, вывалилось еще немного этой же субстанции. Его это не на шутку встревожило, и он понял, что должен сообщить об этом начальству. Он вернулся в дом к семи вечера и позвонил менеджеру, Гэри Уилеру, чтобы рассказать о своих догадках. К тому времени вокруг него собрались все жильцы дома и слышали весь разговор. Моника и Вивьен вышли из своей комнаты, с чердака спустился Дес Нильсен. Уилер ответил, что нужно будет провести более тщательную инспекцию утром, если жильцы не против подождать, но полицию пока вызывать не стоит – на случай, если это окажется ерундой и они найдут затору подходящее объяснение. Кэттран положил трубку и спросил у Нильсена:

– У вас есть собака, так? Вы, часом, не смываете собачью еду в унитаз?

Нильсен ответил, что ничего подобного не делал, но это предположение подсказало ему дальнейший курс действий.

Он уже написал жалобу в «Эллис и Ко», датированную сегодняшним числом и касающуюся проведения в доме «надлежащего техобслуживания», чтобы жизнь съемщиков оставалась «терпимого качества». В особенности он жаловался на плохое освещение в зонах общего пользования и на то, что *«когда я смываю у себя в туалете, унитаз на нижнем этаже переполняется. Похоже, в сливе образовался затор, отчего в доме неприятно пахнет»*. Пытался ли он этим письмом продемонстрировать, что не меньше остальных озадачен происходящим, и таким образом снять с себя подозрения? Или же он просто хотел, чтобы все закончилось как можно быстрее? Похоже, он и сам запутался, испытывая по этому поводу противоречивые чувства. Он отчаянно хотел выжить, однако желание освободиться от этого невыносимого кошмара, возможно, оказалось в итоге сильнее. Этот внутренний конфликт мучил его вплоть до полуночи. Только тогда он наконец принял решение.

Еще до его ухода Кэттран отвел Оллкока и Нильсена в канализацию, чтобы снова взглянуть на затор в трубе. Там он заметил вслух, что субстанция похожа на мертвечину. Нильсен поднялся к себе на чердак и долго думал. В полночь он спустился в люк опять, подсвечивая себе путь фонариком. При нем был пакет для мусора. «Я собрал останки тел и выбросил их возле забора в саду», – написал он позже.

Я планировал пойти в супермаркет или в «KFC», чтобы купить пару фунтов куриного мяса. Потом я бы вымочил их и порезал на куски подходящего размера, оставив при этом узнаваемые крылья и кости. Утром при исследовании останков в трубе они бы обнаружили, что ночью у сантехника просто разыгралось воображение. Полиция и «Дайно-род» быстро потеряли бы интерес. А работник компании наверняка не захотел бы выставить себя дураком и звать полицию снова. Я был уверен, что этот план сработает. Однако понимал: я не могу гарантировать, что новых смертей больше не случится. Меня тошнило от прошлого, настоящего и сомнительного будущего. Ужасное бремя вины казалось мне совершенно невыносимым.

Нильсен выпил много рома той ночью. Он думал о самоубийстве, но отверг эту мысль: никто бы не поверил в то, о чем он хотел рассказать в своей предсмертной записке, такой невероятной она бы показалась посторонним. Кроме того, он должен был рассказать о судьбе «всех остальных», о которой никогда не узнают, если он умрет. «Кто-то должен узнать правду о том, что с ними случилось», – подумал он. Не говоря уже о том, что забрать на тот свет пришлось бы и свою собаку, а на это он пойти никак не мог. Он думал сбежать, уйти в подполье – вот только от себя не убежишь: он знал, что попросту не смог бы смириться со своей трусостью. Не мог он и жить в свое удовольствие дальше, зная, что его преступления никогда не раскроют. Странное, парадоксальное желание не уйти безнаказанным только усиливало его мучения в те часы. Но наконец он понял, что ему следует предпринять. Он допил бутылку, послушал немного музыку и посидел рядом с Блип (*«последнее тепло и участие, которое мне оставалось»*). Затем он уснул.

Фиона Бриджес и Джим Оллкок к тому моменту были уже не на шутку напуганы. Они слышали шаги по лестнице, скрип открывающейся входной двери и скрежет отодвигаемого канализационного люка снаружи. Потом – какой-то шорох и бряцанье, чьи-то шаги, огибающие дом и направляющиеся в сад. Фиона сказала Джиму:

– Кто-то копается в канализации. Наверняка тот парень с чердака.

Джим вооружился лыжной палкой и пошел посмотреть. Он застал Нильсена, который как раз возвращался вверх, с закатанными по локоть рукавами и фонариком в руке.

– Просто ходил отлить, – сказал Нильсен, но Джим ему не поверил. И Джиму, и Фионе в ту ночь не спалось.

В 8:30 следующим утром, девятого февраля, они снова слышали, как Нильсен спускается по лестнице. Джим выглянул в окно и увидел, как тот ушел куда-то вниз по улице. В 9:15 приехали Майкл Кэттран с менеджером Гэри Уилером и сразу направились к люку. Кэттран открыл люк, посветил фонариком вниз и, к его удивлению, обнаружил, что туннель пуст.

– Ничего нет! – воскликнул он.

В этом не было никакого смысла: никакой дождь не смыл бы все останки, да и сливы в унитазах работали плохо и не смогли бы никак повлиять на затор. Кэттран позвонил в дверь: Джим Оллок все видел прошлой ночью, он мог подтвердить его слова. Правда, к тому времени Джим уже ушел на работу, однако Кэттран уже увидел все, что требовалось: он заметил, что трещина на люке теперь располагалась по-другому.

Он вернулся к люку, чтобы взглянуть поближе. Сунул руку в один из стоков, которые вели в канализацию, и достал из сифона кусок мяса.

– Я нашел кое-что, – сказал он.

Уилер велел показать ему находку. Они положили ее на землю и рассмотрели в задумчивости. Пахло оно, как мясо со скотобойни. Серо-желтое, сморщенное, примерно сантиметров пятнадцать в длину, как кусок курицы. Кэттран достал из того же сифона четыре обломка кости. Фиона Бриджес вышла к ним и рассказала об услышанном ночью, заявив, что ей страшно. Тогда было решено позвонить в полицию.

Деннис Нильсен пришел в офис и пытался вести себя как обычно. Но он уже знал, что никогда больше в этот дом не вернется. Он прибрался на своем столе и оставил записку в коричневом конверте, которую положил в ящик стола. В записке говорилось: в случае, если его арестуют, не стоит верить чьим-либо заявлениям о его суициде. Больше он коллегам ничего не оставил. В тот день он казался им достаточно жизнерадостным и даже надел сине-белый футбольный шарф – довольно необычный для него выбор. Никто даже не знал, что у него такой есть. Позже он писал об этом дне так:

Я был уверен, что меня арестуют, как только я вернусь домой, или чуть позже вечером. Но я не собирался бежать. Я полностью смирился с неизбежным. Только беспокоился о Блип. А еще о страданиях, которые принесут мои откровения семьям погибших. Прошлой ночью я думал выбросить последние останки, хранившиеся на чердаке, но потом решил оставить все как есть. Я допускал вероятность, что арестовывать меня придут только следующим утром, десятого числа. Когда я вернулся тем вечером домой, я устал бояться и был готов ко всему. Я думал, что полиция будет ждать снаружи в машине или в чьей-то комнате, или даже у меня на чердаке.

Старший инспектор Питер Джей ждал внутри, в прихожей. Он приехал на Крэнли-Гарденс в 11:00 по вызову Фионы Бриджес, изучил останки, добытые Кэттраном из канализации, отнес их в пластиковом пакете в морг, оттуда – в больницу Чаринг-Кросс, где Дэвид Боуэн, профессор в области судебной медицины из Лондонского университета и консультирующий криминалист, в 15:30 тщательно изучил эти останки. Профессор Боуэн подтвердил, что останки принадлежат человеку, предположительно взяты из области шеи, а обломки костей – из человеческой руки. К 16:30 детектив Джей вернулся в дом № 23 на Крэнли-Гарденс в сопровождении инспектора Стивена Маккаскера и констебля Джеффри Батлера, чтобы подождать возвращения Денниса Нильсена. Он приехал домой в 17:40.

Детектив Джей представился ему и сказал, что они пришли по поводу канализации. Нильсен выразил удивление тем, что кто-то побеспокоил по этому поводу полицию, и спросил, были ли другие два полицейских санинспекторами. Ему ответили, что все они – офицеры

полиции, и каждый поочередно представился. Все четверо прошли на чердак, в спальню Нильсена. Мистер Джей сообщил: в канализации они были заинтересованы потому, что там были обнаружены человеческие останки. Нильсен снова выразил удивление («Господи, какой кошмар!»), но долго притворяться не стал.

– Не валяй дурака, – сказал ему Джей. – Где остальное тело?

– В двух мешках для мусора в шкафу, в соседней комнате, – ответил Нильсен. – Я покажу.

Они прошли в гостиную, где Нильсен показал на шкаф и отдал свой ключ. По словам Питера Джея, он не сразу открыл шкаф: одного запаха было достаточно для подтверждения.

– Что-нибудь еще? – спросил он.

– Долгая история, – сказал Нильсен. – Это продолжается уже довольно давно. Я расскажу вам все. Я хочу снять с себя это бремя, только не здесь, а в отделении.

Тогда детектив Джей зачитал ему права и арестовал по подозрению в убийстве. Для Нильсена это означало конец долгого пути: конец замешательству, тревоге, ужасу и необходимости хранить ужасную тайну. Для инспектора Джея это было началом невероятно запутанного дела, подобного которому он не встречал за все двадцать шесть лет своей службы.

И действительно: за всю историю британской криминологии дело Нильсена оказалось уникальным. У полиции имелся подозреваемый, но они понятия не имели, кого именно он убил. Искать пришлось не преступника, а его жертв.

Батлер остался в квартире, пока Джей и Маккаскер отвезли Нильсена в отделение полиции. Сидя в машине рядом с Нильсеном, Маккаскер спросил:

– Мы говорим об одном теле или о двух?

На что Нильсен ответил:

– Пятнадцать или шестнадцать, начиная с семьдесят восьмого года. Я все расскажу. Вы не представляете, как здорово наконец-то хоть с кем-то об этом поговорить.

В комнате для допросов Джей все еще не мог в это поверить:

– Правильно ли я понимаю, – сказал он, – что с тысяча девятьсот семьдесят восьмого года ты убил шестнадцать человек?

– Да, – ответил Нильсен. – Трех на Крэнли-Гарденс и около тринадцати по предыдущему месту проживания, в районе Криклвуд, на Мелроуз-авеню.

«Это был конец начала и конец убийств, – писал Нильсен позже. – Колеса закона закрутились все быстрее и быстрее под весом их неожиданного груза. Отныне – никаких больше секретов».

Даже у опытных полицейских эти откровения вызвали шок. Причин тому было много. Во-первых, готовность Нильсена свободно, открыто и совершенно добровольно рассказывать о своих преступлениях. Во-вторых, его кажущееся при этом безразличие. В-третьих, на протяжении целых четырех лет никто даже не подозревал об упомянутых им убийствах. Позже пресса заявит, что все эти годы полиция просто не могла распознать улики, маячившие у них под носом и часто подброшенные самим Нильсеном. Но это еще только предстояло: истинное значение этих признаний раскроется в течение следующих нескольких дней. А пока, вечером девятого февраля, еще больший шок вызвали улики, найденные в шкафу на Крэнли-Гарденс.

Тем вечером, пока Нильсен находился в полицейском участке, профессор Боуэн в сопровождении инспекторов Джея и Чемберса посетил квартиру Нильсена в 21:00. Они вытащили из шкафа два больших свертка, которые отвезли в морг. Профессор Боуэн открыл свертки и изучил содержимое. В одном из них обнаружилось еще четыре пакета, три из которых были обычными пакетами из супермаркета, а один – из супермаркета «Сейнсбери». В первом свертке он обнаружил левую часть мужского торса с рукой, во втором – правую часть с другой рукой, в третьем – целый человеческий торс без головы, рук и ног. Никаких ран или переломов, только следы умелого разделывания. В пакете из «Сейнсбери» содержалось самое жуткое: одно сердце, два легких, селезенка, печень, желчный пузырь, почки и кишки. Все слиплось вместе в

один безликий отвратительный ком. Вонь, хлынувшая из герметично закрытых до этого пакетов, была просто невыносима.

Профессор Боуэн обнаружил колотую рану в сердце, но ни к каким выводам эта рана его не привела. Когда через несколько недель Нильсен прочел заключение Боуэна, с невероятным безразличием он задумался об этом и сам: «Вероятно, я нанес эту рану случайно, когда засунул руку с ножом под ребра и вслепую пытался его [сердце] вырезать».

Во втором большом пакете также обнаружилось несколько других пакетов поменьше. Оттуда профессор Боуэн извлек еще один человеческий торс, на этот раз с руками, но без кистей; череп, с которого уже слезло мясо; и голову, на которой мышцы и кожа по большей части сохранились, а вот волосы спереди и сверху пропали. Выглядела голова так, как будто ее долго держали в горячей воде. Это была та самая голова, которую Нильсен начал варить в выходные, торопясь от нее избавиться.

Без четверти одиннадцать следующим утром, одиннадцатого февраля, начался допрос Денниса Нильсена в офисе детектива Джея на первом этаже отделения полиции. Длился допрос в целом больше тридцати часов, растянулся на всю неделю и отличался необычайно полным и безоговорочным сотрудничеством Нильсена, который дополнял рассказ различными деталями, подробно объяснял свои методы и помогал полиции установить личности жертв. Он не только не чинил следствию препятствий, но и сам вываливал на полицейских огромное количество полезной информации быстрее, чем они успевали ее проверять. Его почти не требовалось допрашивать: он будто зачитывал непрерывный автобиографический монолог, стараясь сбросить с души груз, который больше не мог нести. При этом в его речи не наблюдалось ни лишних деталей, ни лирических отступлений, ни даже просьб понять его и утешить. Как оказалось, раньше Нильсену довелось как-то поработать в полиции и самому, так что он знал, как такие допросы нужно проводить, да и в кадровом агентстве он проводил собеседования со множеством людей. Другой поразительной особенностью этой недели стало полное отсутствие у Нильсена даже намека на раскаяние: как он признался, его и самого удивляло, что он не проливает слез по погибшим от его руки. На всех допросах он демонстрировал не больше эмоций, чем стул, на котором сидел. Полицейские находили такой самоконтроль пугающим, однако позже Нильсен расскажет: он просто изо всех сил старался сохранять хладнокровие, чтобы всеми уликами занялись как следует. Его профессиональный опыт позволил ему внешне притворяться спокойным и рациональным, хотя на самом деле рассказ обо всех его деяниях пробудил в нем давно подавляемый водоворот страха, жалости к себе и самобичевания вкупе с глубоким раскаянием. «Никто не должен видеть меня рыдающим по моим жертвам, – писал он. – Это наше с ними личное горе».

Вопрос о том, было ли это «горе» искренним, позже сыграет важнейшую роль в понимании этого человека и причин его поступков. Но на тот момент у полиции имелись лишь факты.

В первые же несколько минут допроса Нильсен сообщил, что в его квартире находятся останки троих человек: одного он называл Гвардеец Джон, имени второго не знал, а третьего, Стивена Синклера, молодого безработного наркомана, он встретил двадцать шестого января и убил тем же вечером. Теперь у полиции была хоть какая-то зацепка: их тревожила необходимость отпустить подозреваемого через сорок восемь часов после ареста, если они не сумеют подтвердить личность убитого достаточно быстро и предъявить Нильсену официальные обвинения. Когда его спросили о содержимом шкафа, изученном прошлой ночью, он подсказал им заглянуть в ящик в углу и под корзину в ванной. К некоторой растерянности полицейских, он признался, что и сам рад своей поимке.

– Если бы меня арестовали только в шестьдесят пять лет, на моей совести к тому моменту могли быть уже тысячи убитых.

Одиннадцатого февраля, в соответствии с его указаниями, профессор Боуэн открыл ящик в углу и нашел сверток, спрятанный в ванной. В свертке обнаружилась нижняя половина

тела Стивена Синклера, включая ноги. В ящике, под плотной бархатной шторой, простынями и страницами из журнала «Гардиан» лежало несколько пакетов. В них – еще один торс, череп, несколько костей, нафталиновые шарики и освежители воздуха.

Теперь профессор мог разложить все части Стивена Синклера на полу морга и собрать его воедино, как мозаику. При виде этой жуткой реконструкции детектив-инспектор Джей впервые за всю свою карьеру почувствовал слабость и дурноту. Потрясло это и детектива Чемберса, хотя стаж его работы насчитывал еще больше лет. Останки, как выяснилось, действительно принадлежали Стивену Синклеру – его пробили в базе данных по отпечаткам пальцев и обнаружили, что Синклер находился на момент своей смерти в розыске за мелкий разбой. Отпечатки пальцев с отрезанных рук совпадали.

Тем же днем Нильсен поехал с полицией в Криклвуд, в дом № 195 на Мелроуз-авеню, где он жил с 1976 по 1981 года и где, по его словам, встретили свою смерть еще двенадцать человек. Он указал на область в саду, где они могут найти некоторое количество человеческих останков. Более того, он сообщил, что пытался убить еще семерых, но потерпел неудачу: одни успели сбежать, с другими он успевал остановиться сам.

К вечеру одиннадцатого февраля у полиции имелось достаточно улик против Денниса Нильсена, чтобы официально предъявить обвинения, и ему посоветовали нанять адвоката (предлагали и раньше, но он отказался). Затем к Рональду Т. Моссу из конторы «Мосс, Бичли» обратились с вопросом, не хочет ли он представлять Нильсена в суде. Мосс, бодрый и деятельный человек сорока лет, уже участвовал в делах об убийствах прежде, но никогда – такого масштаба. Поначалу он сомневался, опасаясь, что дело будет для него необычайно тяжелым эмоционально, однако ему потребовалось всего несколько секунд, чтобы решиться. «Я знал, что это будет самое ответственное дело, за которое я когда-либо брался, – говорил он. – Но такова уж моя работа». Как оказалось, его относительная молодость, прямолинейность и отсутствие обычной для адвокатов изворотливости с самого начала завоевали доверие Нильсена, хотя эти отношения неизбежно рухнули, когда начало сказываться затянувшееся ожидание суда. Ровно в 17:40 Нильсену предъявили обвинение в убийстве Стивена Синклера.

В 10:00 следующим утром Нильсена привели в здание суда, где содержали под охраной в течение трех дней. Рональд Мосс хотел убедиться, что его клиент отчетливо осознает происходящее. В этом сомнений не оставалось. «Обвиняемый спокоен и мыслит трезво», – отметил он. Нильсена привели в суд в 8:00 утра, чтобы избежать столпотворения репортеров и папарацци. Толпа действительно собралась, и еще какая: о деле уже написали в газетах, и оно вызвало большой ажиотаж благодаря полицейской активности на Мелроуз-авеню; кроме того, по совпадению, один из свидетелей, выступивший в суде с заявлением, оказался родственником журналиста. Некоторые таблоиды радостно строчили про «Дом ужасов» еще до того, как получили доказательства, что в стенах дома происходило что-либо ужасное («Единственный «дом ужасов», который я знаю, – писал Нильсен в своей камере, – это дом № 10 на Даунинг-стрит»). Всего через час после официального предъявления обвинений репортеры разыскали в Абердиншире его мать – седую, симпатичную и очень дружелюбную женщину – и ворвались к ней в дом, требуя фотографии сына. Озадаченная всеми этими новостями, она поднялась на второй этаж, чтобы отыскать что-нибудь подходящее, и найденные ей драгоценные фотографии едва не вырвали у нее из рук, жаждающая порваться в их грязном белье. Она настаивала, что фотографии может только одолжить, не отдать навсегда, но позже ей сообщили, что некоторые из этих фото были проданы журналистами за большие деньги (сама она не взяла за них ни пенни). Как оказалось, у одного из них даже имелся при себе спрятанный на теле диктофон, чтобы поймать ее прямо в тот момент, когда она услышит, что ее сына арестовали за убийство. Когда стервятники разошлись, ее била дрожь. Другие «осторожные» и гордые собой репортеры, заметив, что все жертвы Нильсена – мужчины, стали охотиться на людей, с которыми Деннис Нильсен ходил в школу двадцать пять лет назад с вопросом, мастурбировали ли они с Нильсеном когда-

нибудь вместе. Вся эта кипучая деятельность развернулась еще до того, как полиция закончила допрашивать подозреваемого, а одна японская команда журналистов даже разместилась в здании напротив отделения полиции, используя сверхточное и очень дорогое оборудование, чтобы подслушать процесс допроса и поймать еще какие-нибудь потрясающие откровения.

Постепенно газеты растрезвонили основные черты его прошлого: что Нильсен гомосексуален, что по вечерам его видели в компании молодых мужчин, что он был сторонником радикально-левого профсоюзного движения и служил в армии и что он был слишком уж холодно-кровав во время допроса. Рассерженный этими упрощениями, Нильсен написал собственную пародию на все эти таблоидные заголовки через неделю после своего ареста:

МОНСТР-КОММУНИСТ ЗАМАНИВАЕТ МОЛОДЫХ МУЖЧИН НА СМЕРТЬ В ГОМОСЕКСУАЛЬНОМ ДОМЕ УЖАСОВ

Деннис Эндрю Нильсен, 37 лет, однажды замеченный в тесных связях с милитаристским движением и Социалистической партией рабочих (а также личный сподвижник Кена Ливингстона), появился сегодня в Олд-Бейли, чтобы предстать перед судом по подозрению в пятнадцати убийствах и девяти покушениях на убийство.

Нильсен, бывавший в Восточном Берлине, пришел в суд в темном костюме и галстуке. Он казался совершенно безразличным и не выказывал ни капли эмоций, пока зачитывали обвинения. Как оказалось, Нильсен, неудачник и экстремист, агитатор профсоюза, жестоко расчленил своих беспомощных жертв прямо у себя на кухне и затем сжигал их тела на глазах у соседских детей.

Считается, что в процессе конфликта с рестораном «Гарнерс Стейк-Хаус» он «заставил» весь рабочий персонал кадрового агентства занести в черный список вполне законные вакансии. «Он всегда держал нас в страхе», — сказал сотрудник кадрового агентства. Притворяясь внешне уважаемым человеком и борцом за гражданские права, ночами он рыскал по улицам Лондона в поисках будущих жертв.

Юмор его, пусть даже неуместный, по крайней мере облегчал для полицейских составление каталога его убийств всю следующую неделю. Полицейских порой, как и всех нас, точно так же шокируют подобные истории, особенно если излагать их таким сухим и безразличным тоном. Чемберс, Джей и Нильсен безостановочно курили вдвоем на протяжении всех допросов, из-за чего некурящий Рональд Мосс еле дышал в их дыму. Мосса услышанное заметно расстраивало. Нильсен рассказал о том, как разрезал тело в ванной на маленькие кусочки не больше нескольких дюймов в длину и смывал потом эти кусочки в унитаз. Когда он спросил, что ему следует делать с сигаретными бычками в камере, поскольку пепельницы у него там не имелось, ему посоветовали смывать их в унитаз. Он ответил, что когда он делал так в последний раз, его за это арестовали. Можно простить полицейским нервный смех, принесший им в этот момент некоторое облегчение. Им это было необходимо. Они не понимали, что за человек перед ними, и радовались любой передышке, лишь бы отвлечься хоть ненадолго от этого абсурда. Кто он? Как он мог? Какой у него мотив? Как он сумел избегать подозрений так долго? Почему он так много им рассказал? Почему его долгое и живописное объяснение вызывало у полицейских приступы тошноты, в то время как сам он относился к этому так спокойно? И, наконец, почему, несмотря на его очевидную самоуверенность, заносчивость и раздражающее упрямство, он не был им неприятен? Как-то невольно детективы Чемберс и Джей начали по дружески называть его «Дес».

Бесспорно, одной из главных причин такого полного сотрудничества Нильсена было то, что в компании Чемберса и Джея он чувствовал себя совершенно комфортно. До начала

допроса детективы обсудили друг с другом, какой подход им следует применить. Стоит ли им быть с ним потверже, настаивать на своем авторитете и напирать на него, пока он не сдастся, или же, напротив, следует стремиться к более расслабляющей атмосфере? Мистер Чемберс инстинктивно чувствовал, что второй подход сработает здесь лучше, и мистер Джей с этим согласился. Позже они поняли, что оказались правы: долгий опыт армейской службы⁴ вызывал у Нильсена уважение к старшим по званию, но в то же время заставлял его сопротивляться любому давлению. Профессионализм и многолетний опыт позволили им принять единственно верное решение. Если бы они заняли позицию нападающего, Нильсен бы, скорее всего, просто замкнулся в себе.

И все же дело с каждым часом становилось все загадочнее, тайн становилось все больше. Чемберс и Джей цеплялись за центральные нити мотива и метода, но не видели никакого единообразия. Старший интендант Чемберс, проводивший допрос, в какой-то момент решил сказать прямо, что Нильсен просто расчетливый, хладнокровный убийца:

– Похоже, ты специально выходил искать всех этих людей, чтобы заманить к себе домой, усыпить их бдительность выпивкой и убить.

По крайней мере, в этом имелся определенный смысл. Если это так, убийства явно совершались им осознанно. На это Нильсен ответил без колебаний:

– Частично я с вами согласен. Я выходил в поисках компании. Когда я иду выпить в бар, я ни о чем таком не думаю. Все случается как-то само по себе, когда я пьян, но непреднамеренно. Во всяком случае, сознательно я этого не планирую. Я просто ищу компанию и поначалу всегда надеюсь, что на этот раз все будет в порядке.

В ходе дальнейших расспросов выяснилось, что людей, посетивших его квартиру и ушедших оттуда живыми, было гораздо больше, чем тех, кто пришел к нему и встретил свою смерть.

– Я убивал людей, но я не понимаю, почему именно их, – говорил Нильсен. – Между ними нет ничего общего.

Именно в этом-то и заключалась основная проблема: ни постоянной цели, ни повторяющихся ритуалов, ни какой-либо конкретной схемы. Этот человек, по его собственному признанию, совершал чудовищные поступки, и все же не хотел называться «чудовищем» – его не называли так даже те, кто его арестовал. Одни заплатили за его компанию ужасную цену, в то время как другие много раз пересекались с ним без всякого для себя вреда, а третьих он даже спасал от смерти. Вплоть до 1978 года этот человек был образцовым гражданином и до сих пор во всех прочих аспектах оставался обычным лондонским жителем, который будто рассказывал о своей будничной рутине. Его деятельность на общественности никак не отразилась, даже наоборот: исчезновения большинства его жертв никто даже не заметил, что удивляло его самого не меньше, чем полицейских. Иначе его бы, вероятно, поймали гораздо раньше, и он – опять же, насколько можно было по нему судить, – даже был бы рад аресту (хотя старший интендант Чемберс подозревал, что Нильсен все равно никогда бы не пошел сдаваться в полицию сам, и, вероятно, это тоже было правдой). Если бы они прочли стихотворение, написанное Нильсеном в последний день перед арестом в честь расчлененного тела Стивена Синклера, оно привело бы их в еще большее замешательство. Стихотворение это, под названием «Милый», демонстрировало мягкость и чуткость, наличие которых в нем сложно было заподозрить. В нем убийца и жертва словно объединялись вместе против представителей закона, что указывало на пугающе искаженное мировосприятие Нильсена:

Больше нет ничего в этом зале достатка.
Только ты Под моими руками лежишь,
Пока тени подходят ближе

---

⁴ См. главу 4. (Здесь и далее – прим. авт., если не указано иное)

С пустыми формальностями,
Чтоб забрать в их «систему» тебя
И меня.
Подумай
О своей одинокой жизни.
Завтра, уже совсем скоро
Они вмешаются в наши дела.
Частная жизнь не имеет границ,
Которые не пересекли бы
Требования закона.

После этого Нильсен пишет: «Я одеваюсь и готовлюсь встретить свой последний день свободы. Отвожу Блип в сад за домом. Кладу обратно потрескавшийся канализационный люк, отказавшись в итоге от идеи с прикрытием. Я знал, что случится вечером, но старался вести себя как обычно. Я надел его сине-белый шарф, закурил «Мальборо» и вышел на путь своей последней легенды».

Деннис Нильсен писал еще много о своем состоянии после убийства Стивена Синклера, и его саморефлексия тоже найдет позднее в истории свое место.

Он рассказал полиции достаточно, чтобы они могли предъявить ему обвинения в суде, но ничего больше. Остальное для него было все еще слишком «личным», и он не считал нужным раскрывать это служителям закона. Кроме того, он и сам не до конца себя понимал. Он писал: «Я не могу раскрыть все тайны этого сложного дела».

Когда с допросами было покончено, Рональд Мосс, вынужденный целыми днями слушать подробные ужасающие описания смертей, украдкой щипая себя, чтобы физическая боль отвлекала его от всей этой жуткой истории, задал один-единственный вопрос:

– Почему?

Ответ его обезоружил.

– Я надеялся, это вы мне сможете объяснить, – сказал Нильсен.

Обвиняемого перевели в тюрьму Брикстон, откуда он написал изящное письмо, в котором благодарил детектива-констебля Чемберса и сотрудников морга за хорошо проделанную работу – еще один удивительный поступок этого загадочного человека. Интерес прессы к нему несколько снизился, поскольку дело теперь находилось в руках правосудия. Газеты замолчали о нем на несколько месяцев, раз уж им успешно удалось создать в сознании читателей образ отъявленного грешника и мерзавца. В тюрьме Нильсен писал:

Бессмысленны слова все,
В них пользы мертвым нет:
Не воскресят убитых
И не дадут ответ.
Хотят ярлык повесить
Все на меня скорей,
Чтоб в грех свой камень бросить,
Изобразив судей.
Кто пели «Власть – британцам»,
Теперь подняли вой:
«Нильсен – это монстр,
Повесить бы его!»
Толпа кричит о мести,
Синклера хоть они

Даже в отхожем месте
Не поселили бы.

Автору этой книги он писал так: «Что я могу сказать, чтобы избавиться от постыдного прошлого? Возможно, в будущем я послужу обществу лучше... Я осудил себя самого строже, чем любой официальный суд». Еще до своего ареста он смирился с уничижительным осознанием, что все его годы службы в армии, в полиции и в Комиссии по трудоустройству обесценятся в глазах общественности из-за его преступлений. Наконец-то мир обратил на него внимание и прислушивался к каждому его слову. Печальный парадокс его непримечательной жизни заключался в том, что только теперь, после всего совершенного, его все-таки заметили.

Нильсен предупредил меня, что я, скорее всего, сочту полный рассказ о его жизни весьма тревожным. Он предостерегал меня цитатой из мольеровского «Жоржа Дандена»: «*Vous l'avez voulu, vous l'avez voulu*»⁵. Разумеется, всегда существует вероятность, что если кто-то захочет понять, как случились описанные в этой книге события, и прочувствовать изнутри, что двигало этим человеком, то он может и сам заразиться темными желаниями человеческой психики, которые в обычных обстоятельствах нам удастся сдерживать. Сам Нильсен тоже считал интерес общественности к его делу (весьма его удививший) довольно подозрительным:

Меня всегда искренне изумляло, что кого-то может привлекать нечто столь ужасное. В основной своей массе люди не являются ни «нормальными», ни «обычными». Их как будто держит вместе только коллективное непонимание себя самих. Абсолютно у всех, у каждого из них есть свои потаенные мысли и свои скелеты в шкафу. Их одержимость такими «типами» (замечу, довольно редкими), как я, заставляет их задаваться вопросом: как и почему человек может творить подобные вещи? И эти вопросы задевают некие темные струны в их душе. Полагаю, они чувствуют, что и сами могут быть способны на подобные действия, отчего презирают все, что напоминает им о собственной темной стороне. Обычная реакция толпы – прилив лицемерного осуждения, неизменно сопровождаемого желанием снова и снова обсуждать малейшие подробности дела в кругу друзей и знакомых.

Пожалуй, весьма точное и справедливое замечание. Такое мнение довольно часто встречается у тех, кого обвиняют в жестоких убийствах: как правило, они считают себя таким воплощением катарсиса, выплеском накопившейся человеческой злобы. Симпатия к убийцам немыслима. Не понимать их мотивов гораздо безопаснее, чем понимать.

---

⁵ Т. е. «сам виноват». (Прим. пер.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.